

УДК 32

И.Ш. Шенгелая, канд. филос. наук, профессор

*Севастопольский национальный технический университет
ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПЕРВОГО ПОЗИТИВИЗМА: СОЛИДАРИЗМ ОГУСТА КОНТА И ЛИБЕРАЛИЗМ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

Раскрываются и сопоставляются две политические концепции первого позитивизма – солидаризм и либерализм.

Ключевые слова: позитивизм, солидаризм, либерализм, официализм.

Наиболее последовательным воплощением сциентистских устремлений в постклассической западной философии стал позитивизм, прошедший в своем развитии, по крайней мере, четыре стадии: первый позитивизм, эмпириокритицизм (второй позитивизм), неопозитивизм (третий позитивизм), постпозитивизм. В данной статье речь пойдет о двух альтернативных политических доктринах в рамках первого позитивизма: солидаризма О. Конта и либерализма Г. Спенсера. При этом политические концепты обоих мыслителей базировались на их основных философских разработках.

Француз Огюст Конт стал зачинателем позитивистской ориентации в философии и науке, а также автором самого термина «позитивизм», что означает «положительная философия». Ключевым принципом этой новой философии становится отказ от философского мировоззрения и сосредоточение внимания на методологической проблематике. Ключевое место в философии Конта занимают два сформулированных им закона: «энциклопедический закон, или иерархия наук» и «закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий».

Первый из этих законов представляет собой контовский вариант классификации наук. В качестве базовых он выдвинул шесть наук: математику, астрономию, физику, химию, биологию, социологию. Введение социологии в круг наук было новацией Конта, равно как и создание самого термина «социология», как науки об обществе. Математику он ставит в самое начало своего иерархического ряда, поскольку всякая научная система исходит из «чисто числовых умозрений», которые являются «наиболее общими, наиболее простыми, наиболее отвлеченными и наиболее независимыми из всех» [1, с. 234]. Конт не рассматривает философию в качестве самостоятельной науки, ведь «положительная философия», сама совпадает с «энциклопедическим законом» в двух своих ипостасях – естественной философии (астрономия, физика, химия, биология) и социальной философии (социология). Именно последняя является вершиной иерархии наук, своего рода высшим знанием. По мнению видного французского философа, социолога, психолога Сержа Московичи, «в понимании Конта социология должна быть для современного мира тем, чем теология была для мира средневекового: королевой наук, ... целостной системой научных истин, позитивным исследованием действительности наиболее полной из всех известных человеку – самого общества» [2, с. 333]. В своем грандиозном шеститомном «Курсе позитивной философии» освещению социальной философии Конт посвятил половину текста – тома с четвертого по шестой.

В пределах социальной философии французский мыслитель излагает и основы своего политического учения, но для полного уяснения сути политического кредо Конта необходимо ознакомиться с его вторым законом – законом трех стадий. Согласно этому закону, человечество в своем историческом развитии проходит три стадии. Первую стадию развития человечества Конт называет «теологической», или «фиктивной», поскольку на этом этапе все объясняется действием сверхъестественных, по сути, иллюзорных сил. Эта стадия отмечена господством в социуме духоинства и военной элиты. На второй «метафизической», или «абстрактной», стадии в обществе доминируют философы и юристы, которые все природные и социальные явления трактуют как производные от вымышленных ими абстракций. Только на третьей «позитивной» стадии ученые и инженеры утверждают приоритет научных знаний над иллюзорным сознанием богословов и философов-метафизиков и создают условия для бурного роста промышленности, единственной основы процветания общества, призванного стать «индустриальным обществом» (еще один неологизм О. Конта).

На первой стадии социального развития политическое господство оказывается в руках высших классов – духовенства и феодальной аристократии, на второй – юристов и легистов, защищавших запросы среднего класса – буржуазии. При этом ни в первом, ни во втором случае не учитывались интересы подавляющегося большинства трудящегося населения – пролетариев. Только на новейшем этапе эволюции социума философы-позитивисты, опираясь на инженерные и научные кадры, смогут создать политическую систему, существующую для блага трудящихся – систему солидаризма. Речь идет о своего рода солидаристском союзе трудящейся интеллигенции и трудящегося пролетариата, способного пресечь и подавить сопротивление ретроградных уходящих классов, несмотря на то, что в их распоряжении остаются тысячи церковных амвонов, университетские кафедры, парламентские трибуны

и пресса. Солидаризм воплощается в подлинной «народной политике» «всегда социальной» и «преимущественно моральной». В своей положительной философии Огюст Конт видит универсальное средство способное преодолеть все препоны на пути утверждения социальной и политической гармонии. Конт даже не поднимает тему политической революции – главным оружием «политической агитации» позитивистов должно стать убеждение. Он настолько уверен в неоспоримой истинности всех положений своей философии, в том числе политической, что считает вполне возможным убедить западные правительства в необходимости политических преобразований в духе «народной политики» солидаризма. Ведь «истинная социальная программа пролетариев» стремится к достижению всего лишь двух целей: «надлежащем обеспечении всем сначала права на нормальное воспитание, затем – на правильный труд» [1, с. 220].

Реализация этих двух целей по мысли Конта не требует больших затрат и вполне по силам современному обществу, лишь бы все действующие социальные силы смогли бы достичь единства и согласия, а это возможно на условиях усвоения всеми сторонами его (Конта) философской доктрины, как панацеи по избавлению от всех предшествующих заблуждений. Серж Московичи считает Огюста Конта родоначальником идеи «политического консенсуса»: «консенсус выражает солидарность во всей ее полноте» [2, с. 121]. Суть такого консенсуса состоит в достижении единодушия и согласованности действия между социальными группами, политическими партиями, даже церковью, ради блага общества в целом.

Огюст Конт претендовал на авторский приоритет по созданию впервые строго научной философии и особенно, социологии. Но контовские претензии на научность его философско-социологических построений были незамедлительно отвергнуты рядом его современников, а затем и последующими поколениями философов и социологов. В его работах мало аргументов, много резонерства и он слишком часто прибегает к абстрактно-метафизическим рассуждениям подобным тем, что он столь яростно критиковал у своих оппонентов. Свой «закон трех стадий» Конт развернул в грандиозную историософскую панораму, но, надо признать, весьма далекую от реального хода истории.

Свою концепцию солидаризма Конт прямо противопоставил классическому либерализму с его апелляцией к личности. Обращение к интересам личности как главным для общества он считал «болезнью западного мира», «неотделимым от беспорядочности и инакомыслия» [2, с. 111]. В акцентуации индивидуально-личностного начала Конт видит корневой порок двух первых стадий истории человечества – теологической и метафизической, для которых общество выступало лишь скоплением индивидов. Для первого этапа главной задачей было личное спасение индивидов, для второго – их юридическая защита.

Думается, что соображения Конта о первенстве индивидуального начала на всех досовременных стадиях развития социума явно не соответствуют действительности, впрочем, свою главную задачу он видел в демонстрации того, по его мнению, решающего факта, что подлинная целостность общества может быть достигнута только ценой умаления статуса личности. Индивид, личность, человек для французского позитивиста – не более, чем иллюзия, уходящего в небытие прошлого: «человек в собственном смысле слова не существует», «существовать может только человечество, так как всем нашим развитием мы обязаны обществу» [1, с. 185]. Как видим, общество в данном случае доминирует над личностью. Огюст Конт по сути создает некую технократическую утопию, в рамках которой консенсус философов-позитивистов, ученых, инженеров, промышленников, политической и военной элиты и, наконец, пролетариата приведет, как он думает, к рождению процветающего общества.

В своем последнем труде «Система позитивной политики» Огюст Конт сделал решающий шаг в направлении догматизации своего учения, превращая его в род неорелигии. Христианскую любовь к Богу он заменяет любовью к Человечеству. Догматами новой религии становятся основы философии позитивизма (то есть самого Конта) и законы науки. Вся жизнь людей в государстве строго регламентирована, вплоть до запрещения разводов и полного подчинения детей родителям. Политические свободы в таком государстве, естественно, ограничены. Как отмечали Д. Реале и Д. Антисери, «Конт делает религию Человечества точной копией церковной системы», а именно «католического универсализма» [3, с. 196]. Наконец, верховное духовное руководство государствами индустриального сообщества, по Конту, будет призван осуществлять Римский Папа, как гарант всеобщего консенсуса.

Можно отметить, что контовские технократическая и технократическо-теократическая утопии в чем-то явно напоминают марксистско-ленинскую утопию торжества диктатуры пролетариата. Правда, в марксистской утопии роль пролетарского руководства перешло от контовских техно-теократов к большевистским партократам.

Солидаризм О. Конта не получил весомой поддержки и убедительного продолжения даже у позитивистов. Последовательное принижение личностного начала во имя апологии тотальности социума осталась одним из маргинальных эпизодов в истории политической мысли позитивизма. Именно в

«индивиде» С. Московичи усматривает «наиболее значительное изобретение нашего времени». Он указывает на то, что вплоть до эпохи Возрождения «горизонтом человека всегда было мы: его группа или его семья, с которой его связывали жесткие обязательства». Новое время выделило индивида – «этот независимый атом человечества, эту монаду, наделенную собственными мыслями и чувствами, обладающую правами и свободами» [4, с. 16]. Первенство прав и свобод личности в триаде: «государство – гражданское общество – личность» – стала фундаментальным принципом концепции классического либерализма англичанина Иеремии Бентама и француза Бенжамена Констан (конец XVIII – начало XIX вв.). Во второй половине XIX века одним из столпов английского либерализма стал философ Герберт Спенсер, предложивший эволюционистский вариант позитивизма.

Эволюция для Спенсера есть высший закон, охватывающий все мироздание. Эволюция является для него синонимом прогресса. Спенсер выделил три разновидности эволюционного прогресса: неорганический, органический, надорганический. В органическом прогрессе он видел базовую форму эволюции как таковой: «закон органического прогресса есть закон всякого прогресса». На всех уровнях – неживой природы, жизни, общественно-политической сферы – общий закон эволюции неизменно подтверждается: «Переход от однородного к разнородному одинаково проявляется как в прогрессе всей цивилизации, так и в прогрессе каждого народа и продолжается постоянно с нарастающей быстротой» [5, с. 32]. Как и Конт, Спенсер считает, что решающая роль в прогрессе современного общества принадлежит науке. Как и Конт, Спенсер отрицает необходимость революции в политическом развитии общества. Вместе с тем, в своих политических пристрастиях Спенсер выступал с позиции прямо противоположных обезличенному контовскому солидаризму.

В своих многочисленных выступлениях на страницах ведущих периодических изданий Великобритании Герберт Спенсер был неумолимым защитником прав личности, преимуществ парламентаризма, политических свобод. В дух своей философии эволюции он считал, что только постоянное совершенствование демократических институтов является условием политического прогресса. Спенсер не только не закрывал глаза на несовершенство британской социально-политической системы, но и активно критиковал ее недостатки. Главным из них он считает то, что называет «чрезмерностью законодательства», а именно излишнюю регламентированность законодательными актами жизни подданных государства. «Чрезмерность законодательства» приводит к разрастанию государственного аппарата с возрастающей его неэффективностью. Гораздо эффективнее государственных учреждений работают общественные организации то есть добровольные объединения людей, которые являются ядром гражданского общества. Вопрос – какой социальный механизм лучше «добровольный» или «правительственный» – для Спенсера выглядит чисто риторическим: «поговорка «Если хочешь, чтобы было хорошо сделано – сделай сам» заключает в себе истину, одинаково приложимую как к политической, так и к частой жизни» [5, с. 1167]. Все недостатки засилья государственности в жизни социума Спенсер концентрирует в термине «официализм». Официальная деятельность всегда медленна, нерасторопна. «Официализм», кроме того, расточителен. Спенсер диагностирует: «Неумение приспособиться – вот еще один из грехов официализма» [5, с. 1170]. Еще один из пороков «официализма» – нравственное разложение его персон в силу отсутствия свободной конкуренции. Да и как избежать нравственной несостоятельности, если в государственных органах «решающим моментом является не заслуга, а происхождение, возраст, интриги с заднего крыльца и угодливость» [5, с. 1168]. Государству, как социальному институту Спенсер противопоставляет не только институт гражданского общества, но и институт частного предпринимательства. Используя натуралистическую терминологию, государственные учреждения Спенсер именуется «экзогенным» типом учреждений, то есть порождением внешних причин, тогда как организации гражданского общества и частное предпринимательство выступают «эндогенными» социальными феноменами, порождаемыми внутренними причинами. Эффективность эндогенных институтов будет тем больше, чем меньше в их деятельность будет вмешиваться государство. Фактически Г. Спенсер первым дал интерпретацию старинной идее свертывания функций государства, восходящую к Лао Цзы, и получившей развернутое воплощение в конце XX века в концепции «минимального государства» американца Роберта Нозика, увидевшего в такой модели государства «единственно морально-легитимное и терпимое состояние» [3, с. 767].

Четко реагируя на несовершенство и неполадки западной демократии, Герберт Спенсер, тем не менее, считал либеральную демократию оптимальной формой политического устройства и на протяжении своей долгой творческой жизни выступал с жесткой критикой недемократических прецедентов. Так он не уставал порицать автаркию как монархическую, так и тираническую: «автаркия предполагает изменчивость природы, как в правителе, так и в подданном: с одной стороны, холодное, безжалостное принесение в жертву чужих желаний и воли своим желаниям и воле, с другой – низкое, трусливое отречение от прав человека» [5, с. 1231]. Но и в социалистических позициях (добавим и в контовско-солидаристских) Спенсер также различал угрозу правам и свободам личности. Свой сборник в его поименовании «антисоциалистических опытов» он называл «В защиту свобод». В этой книге он

прозорливо указував на те, що крім «регулятивного апарату, який необхідний в нашому суспільстві для забезпечення національної захисту суспільного порядку та особистої безпеки громадян, в соціалістическому строї повинен бути ще і регулятивний апарат, який керує всіма видами виробництва та розподілу, в тому числі, розподілом часток всіх можливих продуктів між окремими місцями, робочими закладами та особами» [5, с. 1375]. Соціалістическе суспільство неминуче опиниться під тотальним пануванням «армії деспотических бюрократів». Система, передбачена англійським мислителем, виявилася не тільки реалізованою в СРСР (і інших країнах «реального соціалізму»), але по суті справи залишилася непереодоленою і в постсоветських державах. Постсоветські бюрократи продовжують виконувати ті ж функції, а подекуди і в більш жорстких формах. Втім, класика англійського лібералізму чи не порадувала б ситуація з правами та свободами особистості в сучасних зразковий-демократических державах, зокрема в США. Достатньо згадати про це Сноудену.

В заключення хотілося б зупинитися на одному цікавому явленні з недавнього минулого. Розмова піде про парадоксальний поєднання принципів солідаризму та лібералізму в політическій платформі польського робочого руху «Солідарність» (кінець 70-х – початок 90-х рр. минулого століття). Профсоюзний рух своїми діями протесту згуртував навколо себе всіх незадоволених комуністическим режимом в Польщі. Після краху соціалістического строю, химерність поєднання ідеї солідарності трудящихся з захистом ліберальних прав та свобод виявила себе з повною очевидністю. Підтвердженням в Польщі ліберально-демократическої політическої реальності фактически стало на нинішній час вплив на суспільство солідаристических цінностей. Примічально, що відбулося це в період президентства в Польщі харизматического лідера «Солідарності» Леха Валенсы.

Бібліографіческий список використаної літератури

1. Конт О. Дух позитивної філософії (Слово про позитивний мислення) / О. Конт. — Ростов н/Д: Фенікс, 2003. — 256 с.
2. Московичи С. Машина, творяча богів / С. Московичи. — М.: «Центр психології та психотерапії», 1998. — 560 с.
3. Реале Д. Західна філософія від істоків до наших днів. В 4 т. Т. 4. Від романтизму до наших днів / Д. Реале, Д. Антисери. — СПб.: ТОО ТК «Петроліс», 1997. — 880 с.
4. Московичи С. Вік толп. Історический трактат про психології масс / С. Московичи. — М.: Академіческий проєкт, 2011. — 396 с.
5. Спенсер Г. Спроби научних політических та філософських / Г. Спенсер. — Мн.: Сучасний літератор, 1998. — 1408 с.

Поступила в редакцію 12.09.2013 г.

Шенгелая І.Ш. Політична альтернатива першого позитивізму: солідаризм Огюста Конта і лібералізм Герберта Спенсера

Розкриваються і зіставляються дві політичні концепції першого позитивізму – солідаризм і лібералізм.

Ключові слова: позитивізм, солідаризм, лібералізм, офіціалізм.

Shengelaja I.Sh. A political alternative to the first positivism: solidarism Auguste Comte and Herbert Spencer's liberalism

The article provides disclosure and comparison of two political concepts first positivism – of solidarity and liberalism.

Keywords: positivism, solidarism, liberalism, officialism.